

Эмиграция по болезни

Ежегодно десятки семей из России и бывшего СНГ вынуждены покидать родину из-за болезней детей. Люди бросают дом, работу, близких, отказываются от карьеры, чтобы спасти своего ребенка. Они едут в Германию, где находятся одни из лучших в мире клиник.

Длительное нахождение на лечении в другой стране сказывается на образе жизни семьи. Если ребенок проходит лечение 2-3 года, кто-то из семьи находится с тяжелобольным ребенком, кто-то остается с остальными детьми и старается обеспечить семью средствами. Это очень тяжело для всех, и в итоге семьи пытаются воссоединиться и жить вместе. Семья меняет свою жизнь, исходя из схемы лечения ребенка.

Многие остаются жить в стране, где проходят лечение. Остаться сложно. Зачастую люди не хотят этого. Они боятся бросить часть своей семьи, дом, работу и так далее. Процесс эмиграции – довольно сложный и мучительный, но иногда другой возможности сохранить жизнь ребенку для семьи нет.

Таких случаев становится все больше. Возможно, это говорит о том, что в России сильно упал уровень медицины. Либо, с нашей помощью, или с помощью каких-то других организаций, стало легче делать этот шаг. Если взять цифры не только по России, но и по СНГ, то число остающихся вырастет примерно в два раза. В странах СНГ ситуация с медициной еще хуже. Деньги собирать на лечение еще сложнее. Люди всячески пытаются остаться в стране, где их ребенку дают шанс на жизнь. В наших случаях – это те родители, ребенку которых врачи говорят, что шансы равны нулю.

Как сделать этот шаг наиболее эффективно и экологично в такой стране как Германия?

В своем стремлении остаться в Германии люди часто подают документы на получение статуса беженца. Делать это с больным ребенком на руках очень опасно. Нужно понимать, что вас поселят в лагерь для беженцев. Большинство тех, кто там находится, это выходцы с ближнего востока, там много шума, грязи и мало личных границ. Люди отдают свои документы, их лишают свободы и прав. Куда и когда переселят – неизвестно. Логики в действиях официальных властей для простого человека нет, понять, предугадать и подготовиться – нельзя. Это одно из самых больших испытаний для любого человека – когда нельзя ни на что повлиять. Особенно тяжело это для родителей, которые ответственны за жизнь и здоровье своего ребенка, благополучия всей своей семьи, которая вынуждена остаться.

Для многих уровень жизни оказывается совершенно не приемлемым, не тем, к чему привыкли и как жили люди всю свою жизнь у себя дома. Они готовы, конечно, на любые жертвы ради своего ребенка. Но часто они совсем не представляют, какие это жертвы.

Истории

Ваня Ш. (письмо мамы)

2011 год полностью изменил нашу жизнь. Нашему сыночку, которому на тот момент было всего три с половиной года, поставили страшный диагноз: рак, нейробластома

забрюшинного пространства III стадии. На тот момент практически не было никакой информации о заболевании.

Первоначально нас положили в клинику, где лечили Ваню по непонятной схеме. По рекомендации знакомого врача перевелись в другую клинику. Только там узнали, что существуют протоколы на это заболевание. И Ваню начали лечить, динамика была положительная. После продолжительных курсов Ваню направили в Москву на плановую операцию. С хирургом нам не повезло. Он провёл две операции с интервалом в два дня, удалив Ване почку, селезёнку, желчный пузырь и часть поджелудочной. Не объяснив при этом почему, а только сказав, что без почки и селезёнки жить можно. Ребёнок был на грани жизни и смерти. Нас направили в клинику в Кёльне на консультацию к профессору Бертольду. Он-то и был наш шанс на спасение.

Фонд оплатил Димино лечение. И в августе 2013 года мы, счастливые, вернулись домой. Но, к сожалению, в октябре 2017 года у Вани произошёл рецидив. Было очень тяжело, фонды отказались помогать. Но мы всё же нашли выход из ситуации.

Два года, как мы находимся на лечение в немецкой клинике. Мы потихоньку, но уверенно идём к цели. И мы верим, что всё будет хорошо!!! В России у нас 19-ти летняя дочь, учится в университете на 3 курсе. Видим её редко, так как перелёты очень дорогие. Ваня очень скучает по ней.

Мы благодарны нашему эльтернхаусу (прим.: гостиница для семей во время лечения), что приютили нас, дали кров. Жильё для нас - непосильная ноша. Мы благодарны людям за их помощь в это не лёгкое для нас время.

Дай Бог всем здоровья!!!

Девочка М. (рассказ волонтера)

В семье М. произошло огромное несчастье, у их девочки в полтора годика обнаружили рак почек. После того, как на родине им сказали, что все способы лечения исчерпаны, они приехали в Мюнхен на лечение. Денег не хватало, не хватало всё больше и больше, и они подали документы на статус беженцев. В тот момент малышке было совсем плохо, и она уже долгое время находилась в реанимации. Когда их документы начали рассматривать, их сразу же перевели в лагерь беженцев в город Майнхайм, несмотря на то, что девочка лежала в реанимации в Мюнхене. Приехал реанимобиль (прим.: транспорт, оснащенный реанимационным оборудованием), и забрал их в Майнхайм. Девочку положили там в клинику. Остальные члены семьи жили в общежитии для беженцев. Их было четверо в маленькой комнатке 6-ти или 8-ми квадратных метров. И так они жили в течении полутора лет.

Но ребенка лечили за счет государства. Однако мама рассказывала, что, как только они перешли на оплату лечения государством, то и лечение стало другим. Им делали только необходимые процедуры. Например, если химия, то только химия, без каких-либо облегчающих её сопровождающих мероприятий. Ведь медицинская страховка для беженцев все-таки не такая, как обычная государственная страховка для жителей Германии или лиц, имеющих постоянный вид на жительство.

Через какое-то время девочке стало хуже. Тогда из клиники Мюнхена прислали реанимобиль, и забрали их в Мюнхен. Здесь им тоже дали общежитие. Нужно сказать, что в нём жили беженцы, а в Германии беженцы на сегодняшний день в большинстве своём темнокожие выходцы из Африки или с ближнего Востока. Мама говорит, что там было очень шумно и грязно. На их счастье, в общежитии не оказалось мест. С помощью адвоката, который помогал им на протяжении всего времени, с того момента, как они подали заявление о предоставлении убежища, они получили разрешение от города самим снять квартиру. Город стал ее оплачивать.

Сейчас девочка жива и в хорошем состоянии. Она ходит в школу (ездит на инвалидной коляске), как и ее сестры. Она наблюдается у врача и получает все необходимое лечение. Но гражданства у ее семьи до сих пор нет. И теоретически, семью могут выдворить из страны в любой момент. Уже три года, как родители подали заявление о предоставлении убежища. В следующем году заканчивается срок действия вида на жительство, и снова нужно доказывать, что ребенок должен остаться здесь, чтобы лечиться. Девочка, к сожалению, инвалид, у неё удалили обе почки.

Карина К. (письмо мамы)

Мы в 2013 г. прилетели с моей дочкой Кариной в Мюнхен на операцию, поскольку врачи в г. Ростове не были уверены, что смогут сделать операцию даже после 8 блоков химиотерапии, так как опухоль была большая и задевала жизненно важные органы. Тогда мы решили вывезти и прооперировать своего ребёнка в Германии.

Нам помогли связаться с профессором-хирургом в Мюнхене, и он решил прооперировать Карину после четырех блоков химиотерапии.

Операция длилась целых 8 часов. Затем было 5 суток интенсивной терапии. Всё прошло хорошо. Но через 3 месяца появились новые метастазы. И вот тут-то уже онкологи в Мюнхене отказались, и сказали, что шансов нет.

Но благодаря профессору, который её оперировал, мы попали в университетскую клинику Кельна, где нам дали хоть какой-то маленький шанс. После года тяжёлого лечения мы, счастливые, вернулись домой.

И вот опять, увы, через 3 года вернулось всё обратно. Шансы уже были минимальные и денег не было на лечение, но мы искали любой выход, чтобы спасти своего ребёнка. Это было очень тяжело, так как у нас ещё и дома остались двое маленьких детей.

И вот с января 2017 года мы опять лечимся в Германии и живем здесь постоянно.

Бывают и тяжёлые моменты, но благодаря многим добрым людям наши дети получают много позитива. Спасибо всем, кто про нас не забывает и понимает наше не очень лёгкое положение.

Отец Алисы уехал в Германию в 2012 году из-за болезни дочери. На родине был успешным журналистом, сейчас менеджер по продаже рыбы в Кельне.

Алиса Ш. (рассказ папы)

До переезда мы жили в Петербурге. Там же лечили дочь, Алису. Жена у меня медик. В какой-то момент врачи в 31 городской больнице посоветовали искать средства для лечения за границей. На родине вылечить нашу дочь полностью не могли.

Мы думали, что приедем на два месяца всего. Старшего сына мы не взяли с собой, тогда он был в шестом классе.

Через три месяца у Алисы произошел рецидив. Нам сказали, что предстоит долгое лечение, и что мы должны принять решение: остаться в Германии или уехать в Россию. Первые два с половиной года жили в родительском доме при клинике, комнате в 9 квадратных метров.

А Сашка наш старший жил в России, с бабушкой и дедушкой. У нас была попытка перевезти его в Германию, даже в консульстве договорились со школой. Но он спортсмен и его тренеры, учителя, и мои родители уговорили оставить его на родине.

У него хорошо получалось, и были хорошие перспективы. Сейчас он уже чемпион мира по ушу. Для нас это большая трагедия была - и есть. С 2012 года мы видимся в лучшем случае два раза в год. Пытаясь лечить одного ребенка «потеряли» другого.

Алиса между операциями начала ходить в детский садик. Практически незаконно, поскольку мы были на птичьих правах. Из документов у нас только медицинская виза, она бессрочная, но с ней ты ничего не можешь делать — ни работать, ни оформлять банковские счета. С садиком нам пошли на встречу, это нужно было девочке, чтобы адаптироваться к обществу, начать учить немецкий язык. Сейчас уже в пятом классе гимназии. Для нас это большое достижение: в гимназию русских людей редко берут.

На родине я работал на телевидении, сделал карьеру в Москве - от корреспондента до ведущего. Когда переехал в Питер, работал пресс-атташе футбольного клуба «Зенит». У моей жены Алины - два высших образования, по медицинской части. Она и обнаружила болезнь у дочки. Была квартира в Питере. Был хороший круг знакомых из разных сфер.

В Германии у нас родились еще двое детей. Жена была с детьми дома и изучала язык. Я пытался зарабатывать деньги. В клинике нам выписали разрешение на работу в Германии, которое нужно продлевать раз в год. Правда сложностей все равно много — мы не можем снять нормальную квартиру, немцам важно при сдаче понимать, что ты там проживешь 5-10 лет. Также с работой: ты приходишь, а тебе говорят: «Куда я тебя возьму, а вокруг ты через год отсюда уедешь?!».

Жена сейчас близка к тому, чтобы подтвердить медицинские дипломы и стать здесь врачом. Я поменял много работ, был и ассистентом русского адвоката, торговал машинами, работал в доме престарелых, сейчас работаю в крупной компании, которая торгует элитной рыбой. Скажу честно - это не то, чего я хочу от жизни. Но что есть, то есть, и слава Богу.

Я бы хотел вернуться на родину. Но, к сожалению, такой возможности не вижу. Алиса уже полностью адаптировалась здесь. Каждые три месяца нам нужно приезжать на контроль. Пока я работаю, у меня есть страховка, которая покрывает расходы на это: 1500-2000 евро. Если я не буду работать - страховка сгорит. Жена иногда плачет из-за бессилия и бесперспективности, но мы живем, учимся. Маленькие дети уже неплохо говорят по-немецки. Скоро старший из них в садик пойдет. Поэтому, к сожалению, в Россию, где мы видимся с сыном, мы не можем приезжать больше двух раз в год. Это для нас главная рана.

Лариса И. (из рассказа мамы)

Мы жили, и живем во Владикавказе. У нас с мужем долгих 12 лет не было детей. Тут появилась на свет наша девочка Лариса. Два года жили счастливо. Но потом сделали прививку, а после нее началась инфекция, поднялась температура. Все это шло довольно долго, мы несколько раз сдавали анализы. Ларису положили в больницу. Неделю врачи ничего не могли понять. Мы сами взяли ребенка, поехали в Ростов, сделали МРТ, но она тоже ничего не показала. Десять дней ребенка капали, но ничего не помогало. У ребенка начались истерики... Сделали компьютерную томографию, и тогда только онкологию нашли. Внутри была огромная опухоль.

**Волонтер Диаконии с детьми
в онкологическом отделении
Униклиник Кельн.**

Открыли сбор денег, люди помогли, приехали в Мюнхен, сделали операцию. Это были долгие 8 часов, которые я провела одна, потому что денег, чтобы поехать еще кому-то из близких, у нас не было.

Продолжили лечиться, но через три месяца произошел рецидив. Вернулись в Мюнхен, где профессор сказал, что не сможет нам помочь, так как случай слишком сложный. Метастазы разошлись по всему организму. Но доктор позвонил своему коллеге в Кельн. Там сказали, что шанс спастись примерно 10 процентов. Это было в 2013 году.

Год мы прожили в Кельне. С деньгами и квартирой помогли знакомые, республика (прим. - Сев. Осетия) и просто небезразличные люди. После этого лечения прошли обследование. Все было чисто. Казалось, что все закончилось.

А потом снова произошел рецидив. Врачи в этот раз сказали, что шансов почти нет. Но спасибо им за то, что они не сдались. Уже три года мы беспрерывно лечимся. Бывают тяжелые моменты, но мой ребенок часто радуется, веселится. Этим летом снова нашли опухоль — маленькую, в голове. Сделали операцию. У Ларисы очень низкий иммунитет, постоянно пьем антибиотики, противовирусные, противогрибковые.

Домой нам сейчас никак нельзя. Еще долго будет нельзя. Мы живем в родительском доме при клинике с мужем и сыном. Младшей с нами нет, ей уже три года. Я ее в последний раз видела, когда ей было полгода (У мамы трое детей — прим.). Живет с моей сестрой. Увы - пока у нас нет возможности уехать.

Муж пытается где-то подрабатывать. Какие-то небольшие подработки - это мизерные деньги. Но мы не можем много работать, потому что двое детей. Слава Богу - можем себе еду купить. Хочется еще и третьему ребенку помогать, но, увы, ему от нас ничего не достается.

Лариса мечтает пойти в обычную школу. Ей уже 9, она очень коммуникабельная девочка. Пока занимается в школе при клинике.

В Осетии мой муж работал водителем. Я 20 лет работала медиком. Нам пришлось все продать, и дом, и машину.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Что же можно посоветовать людям в подобной ситуации?

Конечно, все семьи, оказавшиеся в тяжелой ситуации, однозначно рекомендуют ехать в Германию, и пробовать все возможное.

- Очень важно иметь больше информации о том, что вас ждет, и не строить нереальных ожиданий. Тогда легче будет пройти все испытания и трудности, которых не избежать. Важно заручиться поддержкой на месте.

Например, обратиться в такую организацию, как наша. Мы можем помочь с поиском юриста, с переводом, поддержать вещами и помощью в разных бытовых мелочах. Иногда очень важна простая человеческая поддержка и участие, и духовная поддержка русских православных общин и священников, которые тоже рядом.

- С медицинской визой и ее продлением нет проблем, если клиника занимается ребенком и дает заключение о необходимости продолжения лечения в Германии.
- Возможность получить разрешение на работу и соответственно оформить медицинскую страховку - зависит от области Германии, в которой находится клиника. Часто его получают на основании 25го параграфа (25, Abs.1, S.1).
- Очень важно иметь справку, подтверждение того, что данное заболевание на родине ребенка не лечится. Лучше, если есть такой документ: например, выписка из больницы, что все методы лечения исчерпаны.
- Как только человек подаёт заявление на статус беженца, он застрахован государством. Жизненно-необходимое лечение проводится за счет страхования.
- Адвокат необходим, он знает, что и когда нужно сказать или сделать, а чего делать совсем не стоит. В Германии все решения регулируются процессами. Процесс предусматривает в зависимости от того или иного ответа на тот или иной вопрос совершенно различные исходы дела. Но общего рецепта нет, в каждом случае — свое решение. Неизменным остается лишь стремление государства всеми способами отказать в получении немецкого гражданства.
- Найти адвоката можно по интернету. Это русскоязычные адвокаты, специализирующиеся на правах иностранцев. Их услуги стоят денег, но не очень больших, по немецким меркам, 500 евро/месяц, или если почасовая оплата, то около 200 евро в час). Были случаи, когда люди находили адвокатов и за 50€/час. Ведь адвокаты тоже люди, и среди них есть такие, которые могут просто посочувствовать ситуации семьи с больным ребенком или даже с детьми на руках. Но рассчитывать на волонтерство со стороны адвокатов все же не советуем.
- Во многих городах Германии существуют учреждения, где можно подать заявление о предоставлении убежища. Независимо от того, в каком городе Германии люди подают заявление, их буквально через 2-3 дня переводят в другой город, причем далеко от места подачи заявления. Логики в таком переводе нет, места выбираются случайным образом по внутренней разнарядке. Самому выбрать место, а также свободно передвигаться по стране – нельзя. Часто первый лагерь для беженцев, куда распределяют сразу после подачи заявления, выглядит следующим образом: много жилых контейнеров, маленькие комнатки, шумно, грязно, общий санузел. Возможности готовить нет - еду выдают готовую.
Следующий может быть немного лучше, чем предыдущий, но условия жизни там тоже непростые.
Может последовать и еще один лагерь, где беженцы задержатся уже на более

долгий срок.

- Заявление рассматривается до полутора лет. Опытные адвокаты советуют затягивать процесс рассмотрения, поскольку это дает больше возможностей для интеграции семьи в немецкое общество, и следовательно – больше оснований остаться. Обычно семьи в статусе беженцев живут многие годы, ежегодно подтверждая необходимость остаться. Многие родители подчеркивают, что всё это время власти пытались найти способ депортировать семью из страны. Каждый раз им нужно было доказывать, что на Родине нет возможности лечения, и что ребёнок не транспортабелен.
- Беженцам выдают небольшие деньги, питание, одежду. Работать нельзя. Но если удалось найти работодателя, который согласится взять члена семьи на работу и добиться для него разрешения на работу, шансы резко возрастают. К тому же, работающий член семьи обязательно получает государственную медицинскую страховку и его несовершеннолетние члены семьи автоматически также ее получают вместе с ним. Многие семьи таким именно образом решают вопрос оплаты длительного или пожизненного дорогостоящего лечения.
- Решение о принятии беженца не всегда положительное, может последовать отказ о выдаче вида на жительство и принудительное выдворение из страны. После такого выдворения въехать в страну по туристической или медицинской визе уже практически невозможно.
Можно самому забрать заявление. Можно подать заявление еще раз.
- Важно интегрироваться: учить язык, отдать детей в школу или детский сад. Когда появится разрешение на работу, один из родителей должен пойти работать. Все эти пункты положительно влияют на возможность получения статуса на дальнейшее проживание в Германии.

ЭПИЛОГ

Люди, которые собирают деньги на родине, чтобы лечить своего ребенка за рубежом, часто становятся объектами травли. Несколько человек, которых мы попросили рассказать об их ситуации, отказались общаться с нами из-за страха, что их узнают, хотя их данные в публикации не раскрываются. «Мне и моим родственникам продолжают регулярно поступать угрозы. О всём этом мне страшно думать и вспоминать, а ещё страшнее за жизнь и здоровье близких мне людей, так как угрозы не только виртуальные, но и реальные... Состояние моего душевного здоровья пока, к сожалению, не позволяет мне рассказывать нашу историю», - заявила одна из них.

Люди, будьте добре друг к другу! Никто и ничем не застрахован в этом мире от беды. Оказывая помощь другому, мы делаем мир лучше и помогаем самим себе быть счастливыми.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!

Подготовлено по материалам и на основе опыта работы с подопечными Русской Православной Диаконии в Европе «Доброе Дело».

2019

Информация свободна для распространения